Дата поступления рукописи в редакцию: 11.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-177-184

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

КРАЖА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕДМЕТУ И КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОТ 16 ИЮНЯ 2026 Г. № 19

Аннотация. *В статье исследуются изменения уголовно-правового понимания кражи, обусловленные цифровизацией имущественного оборота и принятием Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 19. Проанализированы новые разъяснения о предмете хищения, включающем безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровую валюту; критериях разграничения кражи и мошенничества при использовании обмана; моменте окончания хищения цифровых активов; квалификации кражи с банковского счета и продолжаемого списания денежных средств. Выявлено системное расхождение между расширительным судебным толкованием имущества и текстом примечаний к статье 158 УК РФ, создающее риск нарушения принципа законности. Обосновано, что цифровая валюта и цифровые права могут выступать предметом кражи, однако не охватываются специальным признаком пункта «г» части 3 статьи 158 УК РФ, если не являются безналичными или электронными денежными средствами. Предложены критерии установления тайности, момента перехода фактического контроля и стоимости цифрового имущества. Сформулированы предложения de lege ferenda о легальном закреплении цифровых объектов в понятии хищения, дифференциации ответственности за малозначительные списания и введении единых правил оценки волатильных цифровых активов.*

Ключевые слова: *кража; хищение; цифровая валюта; цифровые права; банковский счет; электронные деньги; квалификация; Верховный Суд.*

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

THEFT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: NEW APPROACHES TO THE OBJECT AND LEGAL CLASSIFICATION OF MISAPPROPRIATION IN LIGHT OF RESOLUTION NO. 19 OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION OF 16 JUNE 2026

Annotation. *The article examines changes in the criminal-law concept of theft caused by digitalized property circulation and Resolution No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16 June 2026. It analyses the new judicial guidance on the object of theft, including non-cash funds, the digital ruble, uncertificated securities, digital rights and digital currency; the distinction between theft and fraud where deception is used; the completion of misappropriation involving digital assets; theft from a bank account; and multiple withdrawals forming a continued offence. The study identifies a systemic discrepancy between the broad judicial interpretation of property and the wording of the notes to Article 158 of the Criminal Code, which may affect the principle of legality. It is argued that digital currency and digital rights may constitute objects*

of theft, but they do not fall under the special feature of Article 158(3)(d) unless they qualify as non-cash or electronic money. The author proposes criteria for secrecy, transfer of effective control and valuation of digital property. De lege ferenda proposals include expressly incorporating digital assets into the statutory definition of misappropriation, differentiating liability for low-value account withdrawals, and establishing uniform rules for valuing volatile digital assets.

Key words: *theft; misappropriation; digital currency; digital rights; bank account; electronic money; legal classification; Supreme Court.*

Введение

Кража сохраняет значение наиболее распространенного преступления против собственности и одновременно становится одним из наиболее технологически изменчивых составов. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. за деяния, предусмотренные статьями 158 и 158.1 УК РФ, было осуждено около 130 тыс. лиц; это 69,4 % осужденных за преступления против собственности и 25,4 % общей структуры судимости [11]. Даже при снижении абсолютного числа приговоров по сравнению с 2023 г. кража остается главным массивом уголовно-правового правоприменения, а ошибки ее квалификации приобретают не единичный, а системный характер.

Ключевой причиной обновления доктрины кражи выступает дематериализация имущества. Экономическая ценность все чаще существует не в форме вещи, а в виде записи по банковскому счету, записи в информационной системе, цифрового права, цифрового рубля, токена либо цифровой валюты. При этом конструкция хищения в российском уголовном праве исторически формировалась вокруг физического изъятия вещи из владения собственника. Возник разрыв между традиционными признаками предмета и объективной стороны кражи и технологическими способами установления контроля над цифровыми благами [16, с. 207–216].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 19 стало наиболее масштабным за последние годы обновлением разъяснений по делам о краже, грабеже и разбое [8]. Оно закрепило широкий перечень объектов хищения, уточнило значение обмана как способа получения доступа, момент окончания хищения безналичных средств, признаки незаконного проникновения, административную преюдицию по статье 158.1 УК РФ и квалификацию последовательных списаний с банковского счета. Цель настоящего исследования состоит в системной уголовно-правовой оценке этих новелл и разработке практических критериев их применения. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и правомоделирующий методы.

1. Трансформация предмета кражи: от вещи к цифровому имущественному контролю

В пункте 1^1 обновленного Постановления Пленума № 29 к предмету кражи и иных хищений отнесены вещи, наличные деньги и документарные ценные бумаги, а также иное имущество: безналичные денежные средства, включая цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта [7; 8]. Тем самым высшая судебная инстанция фактически отказалась от обязательности вещного признака предмета хищения. Определяющим становится не материальная телесность объекта, а наличие экономической ценности, принадлежность потерпевшему и возможность противоправного установления контроля в пользу виновного или третьих лиц.

Такой подход соответствует статье 128 ГК РФ, которая относит к объектам гражданских прав вещи и иное имущество, в том числе имущественные права, безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права [3]. Он согласуется и с пунктом 2 примечаний к статье 104.1 УК РФ, где для целей конфискации цифровая валюта прямо включена в понятие имущества [2]. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П подтвердил необходимость судебной защиты имущественных требований, связанных с цифровой валютой, и недопустимость ее фактического исключения из сферы конституционной охраны собственности [10].

Вместе с тем уголовно-правовая допустимость такого толкования не бесспорна. Принцип законности требует, чтобы преступность деяния и его признаки устанавливались уголовным законом, а не создавались судебным разъяснением. Примечание 1 к статье 158 УК РФ определяет хищение как противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества, но не раскрывает состав данного имущества [2]. Обращение Пленума к гражданско-правовой классификации снимает практический пробел, однако не заменяет прямого легального указания. Особенно чувствительным это становится для цифровых прав и цифровой валюты, поскольку их техническое перемещение не тождественно физическому изъятию вещи.

Представляется, что предметом цифровой кражи выступает не сама последовательность данных и не пароль, закрытый ключ либо код

доступа. Учетные данные являются средством совершения преступления. Предметом остается имущественное благо, контроль над которым подтверждается записью в информационной системе. Поэтому окончательное юридическое значение имеет не копирование информации, а такое изменение состояния реестра, счета или кошелька, при котором потерпевший лишается возможности осуществлять принадлежащие ему имущественные правомочия, а виновный получает фактическую возможность распоряжения активом. С учетом изложенного целесообразно дополнить примечание 1 к статье 158 УК РФ положением о том, что для целей главы 21 УК РФ имуществом признаются вещи и иные имущественные объекты, имеющие экономическую ценность и допускающие установление исключительного либо преимущественного фактического контроля, включая безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровую валюту. Такая новелла не расширит ответственность ретроспективно, а обеспечит требуемую определенность на будущее.

2. Тайность изъятия и роль обмана в гибридных способах хищения

Одной из наиболее значимых новелл 2026 г. стало разъяснение: если обман или злоупотребление доверием использованы лишь для обеспечения либо облегчения доступа к имуществу, отвлечения внимания потерпевшего или иных лиц, а само изъятие совершается тайно, содеянное образует кражу [8]. Разъяснение направлено на устранение формального подхода, при котором любое присутствие обмана автоматически связывалось с мошенничеством.

Для разграничения кражи и мошенничества необходимо установить функциональную роль заблуждения. При мошенничестве потерпевший или уполномоченное лицо, находясь под влиянием обмана, совершает юридически либо фактически значимое распорядительное действие: передает имущество, переводит деньги, уступает право, подтверждает операцию или создает видимость добровольного отчуждения. При краже обман не формирует волевого акта передачи имущественного блага; он лишь нейтрализует контроль, открывает доступ либо маскирует тайное изъятие [13; 14].

В цифровой среде данный критерий должен применяться поэтапно. Если потерпевший под воздействием социальной инженерии самостоятельно вводит реквизиты и подтверждает перевод в пользу виновного, решающее значение имеет его распорядительное действие, что указывает на мошенничество. Если же потерпевший сообщает пароль, код или передает карту, полагая, что они будут использованы в разрешенных пределах, а виновный затем без ведома владельца самостоятельно списывает средства сверх согласованного, изъятие сохраняет тайный характер и квалифицируется как кража. Аналогичная позиция отражена в кассационном определении Верховного Суда РФ от 18 декабря 2025 г. № 70-УД25-5-К7, где использование добровольно переданной карты вопреки установленным владельцем пределам признано кражей с банковского счета [12].

Практически значим следующий алгоритм: во-первых, определить, кто совершил операцию, непосредственно повлекшую уменьшение имущественной сферы потерпевшего; во-вторых, установить, осознавал ли потерпевший имущественный характер и адресата операции; в-третьих, выяснить, выражал ли он волю на переход конкретного имущества; в-четвертых, оценить, использовался ли обман на стадии распоряжения или только на стадии доступа. Такой алгоритм позволяет избежать конкуренции статей 158, 159, 159.3 и 159.6 УК РФ.

Если для завладения активом виновный осуществляет неправомерное воздействие на программное обеспечение, сервер, компьютерную информацию или сеть, требуется дополнительная оценка по статьям 159.6, 272–274.1 УК РФ. Само использование чужих учетных данных без изменения программы не превращает кражу в компьютерное мошенничество. Критерием выступает не технологичность операции, а механизм причинения имущественного ущерба: тайное списание, обманное распоряжение потерпевшего либо вмешательство в функционирование информационной системы.

3. Кража с банковского счета и электронных денежных средств: пределы специального состава

Пункт «г» части 3 статьи 158 УК РФ предусматривает ответственность за кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Пленум в 2026 г. уточнил, что специальным предметом являются только безналичные денежные средства в рублях или иностранной валюте, размещенные на банковских счетах, а также электронные денежные средства в смысле Федерального закона «О национальной платежной системе» [5; 8]. Следовательно, цифровая валюта и цифровые права, хотя и признаны общим предметом хищения, не охватываются пунктом «г» части 3 статьи 158 УК РФ.

Из этого следует важный квалификационный вывод. Тайное перемещение криптовалюты с кошелька потерпевшего на адрес виновного может образовывать кражу, но квалифицирующая норма о банковском счете применяться не должна. Ответственность определяется по части 1, 2, 3 или 4 статьи 158 УК РФ в зависимости от

размера, группы, незаконного проникновения и иных признаков. Иное означало бы аналогию уголовного закона, поскольку цифровая валюта не является ни валютой Российской Федерации или иностранной валютой на банковском счете, ни электронными денежными средствами по Закону № 161-ФЗ [6; 17].

Разъяснение также охватывает случаи использования чужой или поддельной платежной карты, учетных данных, пароля, контрольной информации и персональных данных, если отсутствовало незаконное воздействие на программное обеспечение и сети. Даже получение карты или конфиденциальных сведений от владельца под влиянием обмана не исключает кражу, когда последующее списание произведено виновным тайно [8]. Тем самым закреплен приоритет фактического механизма изъятия над формальным способом получения средства доступа.

Сохраняется проблема несоразмерности: любое оконченное хищение с банковского счета, независимо от суммы, формально относится к тяжкому преступлению по части 3 статьи 158 УК РФ. В доктрине обоснованно отмечается, что хищение нескольких сотен рублей с карты по степени общественной опасности не всегда превосходит обычную кражу имущества сопоставимой стоимости [15, с. 594–596]. Усиленная защита платежной инфраструктуры оправданна, однако она не должна устранять принцип дифференциации ответственности. Оптимальным решением представляется перевод рассматриваемого признака в часть 2 статьи 158 УК РФ при одновременном сохранении части 3 для случаев причинения значительного ущерба, совершения в крупном размере либо неоднократных дистанционных списаний. Альтернативой может быть законодательное установление минимального стоимостного порога для пункта «г» части 3. Это позволит сохранить специальную охрану банковских средств и исключить автоматическое отнесение малозначительных эпизодов к тяжким преступлениям.

4. Момент окончания и продолжаемая кража цифрового имущества

Общее правило связывает окончание кражи с изъятием имущества и возникновением у виновного реальной возможности пользоваться или распоряжаться им. Для безналичных и электронных денежных средств Пленум закрепил специальный момент: преступление окончено при списании средств со счета владельца, повлекшем ущерб [7; 8]. Дополнительное зачисление на счет виновного, обналичивание или приобретение товара не требуется, поскольку распоряжение уже реализуется посредством самой платежной операции.

Применительно к цифровым правам и цифровой валюте необходим более точный критерий. Момент окончания следует связывать с подтвержденным изменением записи в соответствующей информационной системе, в результате которого виновный получил фактический контроль над активом, а потерпевший утратил возможность распоряжения им. Для публичного блокчейна таким моментом обычно будет подтверждение транзакции в количестве блоков, достаточном для ее необратимости по правилам конкретной сети; для цифрового права — внесение записи об изменении управомоченного лица; для цифрового рубля — отражение операции на платформе цифрового рубля. Простое получение закрытого ключа без перевода актива не всегда образует оконченную кражу. Если потерпевший сохраняет возможность немедленно изменить средства доступа и актив не выведен из-под его контроля, налицо приготовление либо покушение в зависимости от выполненных действий. Напротив, экспорт ключа и исключение доступа владельца при технической возможности распоряжения активом могут свидетельствовать об оконченной краже даже до последующей транзакции. Оценка должна учитывать архитектуру конкретной информационной системы, а не абстрактную аналогию с физической вещью.

Новый пункт 25^3 Постановления № 29 квалифицирует несколько списаний со счетов одного потерпевшего, охваченных единым умыслом, как единое продолжаемое хищение с учетом общей фактически изъятой суммы [8]. Для установления единства умысла значимы общий источник доступа, непродолжительный период, одинаковый способ, заранее определенная цель и отсутствие самостоятельного решения перед каждым эпизодом. Если умысел на последующее списание возник после завершения первого хищения, имеет место совокупность преступлений [18, с. 44–58]. Общая сумма продолжаемого хищения используется для определения крупного или особо крупного размера. При этом Пленум допустил одновременное вменение крупного размера и причинения значительного ущерба гражданину, если фактические обстоятельства подтверждают оба признака [8]. Такое сочетание не является двойным учетом одного обстоятельства: размер выражает объективную стоимость похищенного, а значительность ущерба характеризует индивидуальное имущественное положение потерпевшего. Однако суд обязан отдельно мотивировать каждый признак.

5. Незаконное проникновение и цифровизация охраняемого пространства

Изменения 2026 г. конкретизировали понятие хранилища применительно к шкафам, витринам и иным сооружениям, расположенным в общественных местах и помещениях, открытых для посещения. Суд должен выяснить, предназначал-

ся ли объект для постоянного или временного хранения ценностей и был ли ограничен доступ к его содержимому [8]. Тем самым внешняя доступность помещения отделена от специального режима доступа к конкретному контейнеру.

Применение признака незаконного проникновения требует установления целевого момента. Если лицо правомерно находится в торговом зале, но взламывает закрытую витрину, оно проникает в хранилище. Если доступ к содержимому витрины свободен для покупателей, квалифицирующий признак отсутствует. Обман или злоупотребление доверием могут использоваться для проникновения: например, виновный представляет себя сотрудником и получает доступ в служебное помещение, из которого тайно изымает имущество. В таком случае обман вновь выполняет вспомогательную функцию, а деяние остается кражей.

Вопрос о признании информационной системы «хранилищем» следует решать отрицательно. Примечание 3 к статье 158 УК РФ связывает хранилище с хозяйственными помещениями, участками территории, трубопроводами и иными сооружениями, предназначенными для хранения материальных ценностей [2]. Расширение данного признака на облачный сервис, криптокошелек или учетную запись не допускается без прямой законодательной нормы. Несанкционированный доступ к цифровому активу должен учитываться через специальные составы и способ совершения, но не посредством фикции проникновения в хранилище. В перспективе законодатель может установить самостоятельный квалифицирующий признак «с преодолением средств аутентификации или защиты цифрового имущества». Однако он должен применяться только при реальном преодолении защиты, а не при любом использовании полученного пароля. Иначе один и тот же факт доступа будет одновременно характеризовать основной способ цифровой кражи и необоснованно усиливать ответственность.

6. Статья 158.1 УК РФ и административная преюдиция

Пленум существенно детализировал применение статьи 158.1 УК РФ. Для признания лица подвергнутым административному наказанию необходимо проверить вступление постановления по части 2 статьи 7.27 КоАП РФ в законную силу, его исполнение, течение срока административной наказанности и результаты пересмотра [4; 8]. Фактические обстоятельства административного дела не обладают преюдициальной силой для уголовного суда и подлежат самостоятельной проверке.

Данная позиция непосредственно связана с делом № 70-УД25-5-К7. Верховный Суд указал, что ошибочное определение стоимости ранее похищенного имущества может означать отсутствие необходимого административно-правового статуса и, следовательно, состава преступления по статье 158.1 УК РФ [12]. Значение имеет не формальное наличие постановления, а его законность и соответствие тому виду мелкого хищения, который указан в уголовном законе.

Административная преюдиция обеспечивает усиление ответственности за повторное мелкое хищение, но содержит риск подмены оценки общественной опасности формальным статусом лица. Один и тот же ущерб до 2500 рублей может повлечь административную либо уголовную ответственность в зависимости от ранее назначенного наказания. Поэтому проверка всех элементов преюдиции должна рассматриваться не как техническая процедура, а как обязательная гарантия принципов вины, справедливости и законности. В цифровых эпизодах возникает дополнительная коллизия. Малое списание с банковского счета квалифицируется по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ, а не как мелкое хищение, тогда как тайное изъятие вещи той же стоимости может подпадать под статью 7.27 КоАП РФ или статью 158.1 УК РФ. Различие основано исключительно на форме существования имущества. Такая модель чрезмерно усиливает ответственность и подтверждает необходимость пересмотра места банковской кражи в системе квалифицированных составов.

7. Стоимость цифрового имущества и доказывание ущерба

Признание цифровой валюты и цифровых прав предметом кражи неизбежно ставит вопрос их стоимости. Для традиционных вещей используется рыночная стоимость на момент совершения преступления, подтверждаемая документами или экспертизой. Цифровая валюта отличается высокой волатильностью, множественностью торговых площадок, различиями ликвидности и возможностью искусственного формирования котировок. Без единого подхода одинаковые деяния могут получать различную квалификацию по размеру.

Предлагается определять стоимость цифровой валюты в рублях на момент перехода фактического контроля, используя средневзвешенную цену на нескольких наиболее ликвидных площадках, доступных российскому участнику оборота, либо цену фактической реализации, если она состоялась в короткий срок и не была искусственно занижена. Источник котировок, временная метка, объем торгов и метод пересчета должны быть отражены в заключении специалиста или эксперта. Использование одной произвольно выбранной биржи недопустимо.

Для цифровых прав необходимо разграничивать номинальную стоимость удостоверяемого

требования и реальную рыночную стоимость самого права. Если цифровое право дает безусловное требование на получение денежной суммы или вещи, исходной является стоимость исполнения. Если оно обращается на платформе и зависит от спроса, требуется рыночная оценка. Ущерб не может определяться стоимостью доступа, программного кода или расходов на восстановление учетной записи, если предметом хищения было иное имущественное благо. Доказывание цифровой кражи должно включать фиксацию адресов кошельков, идентификаторов транзакций, журналов авторизации, времени изменения реестра, устройств и сетевых следов, а также экспертное объяснение связи между технической записью и имущественным контролем. Недостаточно показать перемещение цифровых данных; необходимо доказать принадлежность актива потерпевшему, отсутствие его воли на отчуждение, корыстную цель виновного и реальную экономическую утрату.

8. Предложения по совершенствованию законодательства и практики

Проведенный анализ позволяет сформулировать комплекс взаимосвязанных предложений. Во-первых, понятие имущества как предмета хищения должно быть закреплено непосредственно в примечаниях к статье 158 УК РФ с указанием цифровых рубля, прав и валюты. Судебное толкование должно конкретизировать закон, но не заменять отсутствующий нормативный признак.

Во-вторых, пункт «г» части 3 статьи 158 УК РФ нуждается в дифференциации. Наиболее обоснован перенос кражи с банковского счета и электронных денежных средств в часть 2 с сохранением части 3 для крупного размера, значительного ущерба либо систематических дистанционных списаний. Минимально необходимая мера — исключить квалификацию по части 3 при сумме, не превышающей предел мелкого хищения, если отсутствуют иные квалифицирующие обстоятельства.

В-третьих, в Постановлении Пленума № 29 следует закрепить отдельный блок о цифровых активах: момент окончания, правила определения потерпевшего, статус ключей и учетных данных, критерии единого продолжаемого умысла, а также разграничение кражи с компьютерным мошенничеством и неправомерным доступом к компьютерной информации. Особенно важно разъяснить, что цифровая валюта не относится к предмету пункта «г» части 3 статьи 158 УК РФ.

В-четвертых, требуется единая методика определения стоимости цифровой валюты и цифровых прав. Она может быть утверждена совместным нормативным актом Правительства РФ, Банка России и уполномоченных экспертных органов либо отражена в разъяснениях Верховного Суда. Методика должна учитывать момент контроля, ликвидность, средневзвешенную цену и проверяемость источников котировок.

В-пятых, правоприменению необходим функциональный тест разграничения кражи и мошенничества: кто совершил имущественно значимую операцию; выражал ли потерпевший волю на передачу именно данного актива; какую роль играл обман; имело ли место воздействие на информационную систему. Применение такого теста должно быть отражено в обвинении и приговоре, а не подразумеваться общей ссылкой на способ хищения.

Заключение

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 19 обозначило переход от вещной модели кражи к модели противоправного установления имущественного контроля. Включение цифрового рубля, цифровых прав и цифровой валюты в предмет хищения соответствует развитию гражданского оборота и обеспечивает уголовно-правовую защиту реально существующей экономической ценности. Одновременно расширение предмета посредством судебного толкования выявляет недостаточную определенность самого уголовного закона. Новое разграничение кражи и мошенничества основано на роли обмана: если он вызывает распорядительное действие потерпевшего, речь идет о мошенничестве; если только облегчает тайное изъятие, сохраняется кража. Для банковских средств решающими являются самостоятельное списание виновным и отсутствие незаконного воздействия на программное обеспечение. Цифровая валюта и цифровые права охватываются общим понятием имущества, но не специальным признаком кражи с банковского счета.

Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено не на механическое ужесточение санкций, а на согласование предмета, способа и размера хищения. Прямое легальное признание цифровых объектов, пропорциональная дифференциация банковских краж, единые правила оценки цифровых активов и технологически нейтральные критерии окончания преступления способны обеспечить одновременно эффективность защиты собственности и соблюдение принципов законности и справедливости.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10 июня

2026 г., с изм. от 29 июня 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (действующая ред.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (действующая ред.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[5] О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (действующая ред.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

[6] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (действующая ред.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[7] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 19) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

[8] О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 19 // Официальный сайт Верховного Суда РФ.

[9] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (действующая ред.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.

[11] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. М.: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2025. 116 с.

[12] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 декабря 2025 г. № 70-УД25-5-К7 // Банк судебных документов Верховного Суда РФ.

[13] Федоренко К. Ю. Проблемы разграничения кражи с банковского счета и мошенничества // Вопросы российской юстиции. 2025. Вып. 37.

[14] Русскевич Е. А. Отграничение кражи с банковского счета или в отношении электронных денежных средств от смежных составов преступлений // Уголовное право. 2019. № 2. С. 59–64.

[15] Лифанова М. В., Корнелюк О. В. Кража в отношении электронных денежных средств: проблемы квалификации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 594–596. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_7_594..

[16] Попова Е. М. Цифровые права как предмет хищения: дискуссионные вопросы в уголовно-правовой доктрине и способы их разрешения // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 2 (84). С. 207–216. DOI: 10.33184/pravgos-2026.2.23..

[17] Коренная А. А. Цифровая валюта как предмет и средство совершения преступлений // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 3.

[18] Хромов Е. В. Проблемы квалификации хищения денежных средств с банковского счета // Уголовное право. 2023. № 2. С. 44–58.

[19] Марченко Д. Квалификация хищений с использованием чужой банковской карты // Законность. 2021. № 11. С. 36–39.

[20] Скляров С. В. Квалификация снятия денежных средств через банкомат по чужой платежной карте // Уголовное право. 2019. № 4. С. 92–96.

[21] Тюнин В. И., Степанов Ю. И. Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств: криминализация и квалификация преступления // Российский следователь. 2021. № 3.

[22] Клименко А. К. Проблемы квалификации безналичных и электронных денежных средств // Уголовное право. 2020. № 4. С. 29–35.

[23] Ушаков Р. М. Квалификация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий: монография. М.: Юстицинформ, 2023.

[24] Хилюта В. В. Цифровые активы как предмет преступлений против собственности: проблемы уголовно-правовой охраны // Уголовное право. 2022. № 10.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information.

[2] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on June 10, 2026, as amended on June 29, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part

One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (current edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[4] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (current edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

[5] On the national payment system: Federal Law No. 161-FZ of June 27, 2011 (current edition) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 27. Art. 3872.

[6] On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020 (current edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (part I). Art. 5018.

[7] On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 (as amended by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 16, 2026 No. 19) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. № 2.

[8] On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 "On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery and Robbery": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 16, 2026 No. 19 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation.

[9] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 (current ed.) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2.

[10] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2026 No. 2-P in the case of checking the constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information.

[11] Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2024. M.: Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, 2025. 116 pp.

[12] Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of December 18, 2025 No. 70-UD25-5-K7 // Bank of Judicial Documents of the Supreme Court of the Russian Federation.

[13] Fedorenko K. Yu. Problems of delimiting theft from a bank account and fraud // Issues of Russian justice. 2025. No. 37.

[14] Russkevich E. A. Delimiting theft from a bank account or in relation to electronic money from related corpus delicti // Criminal law. 2019. № 2. S. 59-64.

[15] Lifanova M.V., Kornelyuk O.V. Theft in relation to electronic money: problems of qualification // Law and state: theory and practice. 2025. № 7. S. 594-596. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_7_594..

[16] Popova E. M. Digital rights as a subject of theft: discussion issues in criminal law doctrine and ways to resolve them // Rule of law: theory and practice. 2026. № 2 (84). S. 207-216. DOI: 10.33184/pravgos-2026.2.23..

[17] Root A. A. Digital Currency as the Subject and Means of Committing Crimes // Russian-Asian Legal Journal. 2021. № 3.

[18] Khromov E.V. Problems of qualification of theft of funds from a bank account // Criminal law. 2023. № 2. S. 44-58.

[19] Marchenko D. Qualification of embezzlement using someone else's bank card // Legality. 2021. № 11. S. 36-39.

[20] Sklyarov S.V. Qualification of withdrawing funds through an ATM using someone else's payment card // Criminal Law. 2019. № 4. S. 92-96.

[21] Tyunin V.I., Stepanov Yu. I. Theft from a bank account, as well as in relation to electronic money: criminalization and qualification of a crime // Russian investigator. 2021. № 3.

[22] Klimenko A.K. Problems of qualification of non-cash and electronic funds // Criminal law. 2020. № 4. S. 29-35.

[23] Ushakov R. M. Qualification of thefts committed using information technology: monograph. M.: Justicinform, 2023.

[24] Hilyuta V. V. Digital assets as the subject of crimes against property: problems of criminal law protection // Criminal law. 2022. № 10.